

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

УДК 130.12

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В СИТУАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛИПЕЦКА)

А.А. Линченко, В.С. Благинин, Р.Ю. Батищев

В статье представлены результаты социологического исследования уровня открытости и тревожности жителей типичного российского города по отношению к образам прошлого и практикам памяти других культур и их носителей. Был выявлен высокий уровень консервативных ценностей, а также элементы этноцентризма в сознании всех поколений липчан. Выявлено устойчивое представление о трансформирующемся характере российской культуры.

Ключевые слова: культурная память, миграция, этноцентризм, идентичность.

THE CULTURAL MEMORY OF THE RUSSIAN PROVINCE POPULATION IN THE CONTEXT OF MIGRATION CHALLENGES (THE CASE OF LIPETSK CITY)

A.A. Linchenko, V.S. Blaginin, R.J. Batishchev

The article represents the results of a sociological survey, aimed at identifying the level of openness and anxiety of typical Russian city population towards the images of the past and towards memorial practices of other cultures and their bearers. The survey revealed a high level of conservative values and ethnocentric elements in the mind of all generations of Lipetsk inhabitants. The majority of people in Lipetsk have a stable set of ideas about transforming character of Russian culture.

Key words: cultural memory, migration, ethnocentrism, identity.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда

(проект № 17-78-20149)

Современное российское общество сталкивается с различными формами глобальной миграции, которая проявляется не только в увеличении числа мигрантов из стран бывшего СНГ, стран Азии, но и усилении миграционных процессов внутри страны. Не будет преувеличением заметить, что данная ситуация создает принципиально новые условия и конфигурацию социального пространства, важнейшими атрибутами которого оказываются мобильность, трансферы и трансформационные процессы. В этой связи неизбежны существенные изменения в самой онтологии культурной памяти. Речь идет об изменениях ее содержания, структуры, иерархии и конфигурации составных частей и элементов, смысловых полей, границ культурной памяти локальных групп. Ключевой проблемой при этом оказывается интеграция различных практик культурной памяти в современной России, формы и способы их взаимодействия, а также конфликты, возникающие в процессе соприкосновения культурной памяти различных сообществ. В этой связи важным объектом анализа становится уровень открытости и тревожности россиян по отношению к образам прошлого и практикам памяти других культур и их носителей, проживающих на территории России в настоящем или способных оказаться соседями среднестатистического россиянина в будущем.

Поскольку понятия «мигрант» и «культурная память» являются ключевыми для данной работы, кратко обозначим нашу теоретическую позицию. Под мигрантами в данном случае имеется в виду абстрактный образ «чужака», который может служить потенциальным источником изменений общественной жизни в России, трансформации ее повседневных форм. Мы сознательно не конкретизировали в эмпирическом исследовании данное понятие, поскольку стремились выявить именно отношение к нему в собирательном смысле. Вне всяких сомнений, «отношение к мигрантам» всегда является персонифицированным и связано, как правило, с отношением к конкретной группе инородцев, проживающей в конкретном месте в принимающей стране. Говоря о «культурной памяти», мы использовали интерпретацию Астрид Эрл, которая полагает, что «культурная память» является обобщающим понятием (*umbrella term*) и в самом широком смысле понимается как «медиа, практики, структуры, столь же разнообразные как миф, монументы, историография, ритуалы, устные воспоминания, конфигурации культурного знания, нейронные сети... взаимная игра настоящего и прошлого в социокультурных контекстах» [5, с. 1-2]. Охватывает оно и массовые представления о прошлом, ценностное отношение к прошлому, а также практики воспроизводства прошлого в

актуальном социокультурном контексте. Именно с учетом знаний о прошлом, особенностей оценки отечественной и зарубежной истории и культурной памяти, а также практик воспроизводства «своего» и «чужого» прошлого мы пытались выявить особенности и состояние культурной памяти населения России в контексте миграционных вызовов.

Как видится, проблема во многом пересекается с темой этноцентризма и исследованиями современной российской идентичности. Стоит заметить, что в большинстве исследований отмечается низкий уровень межличностного и межэтнического доверия к мигрантам со стороны принимающего населения в России [2, с. 37], общая неустойчивость баланса благоприятных и негативных межэтнических установок россиян [1, с. 34], высокий уровень идентификации не по гражданскому, а по национальному признаку в России [4, с. 74], высокий уровень ксенофобии не только в провинции, но и в Москве [3, с. 12]. Насколько эти выводы находят преломление в отношении населения типичного российского города?

В октябре 2017 года в Липецке было проведено социологическое исследование на предмет выявления готовности жителей типичного российского города к культурной диффузии под влиянием миграционных процессов. Выборочная совокупность в Липецке соотнесена с объемом выборки в других городах России, где реализуется настоящее грантовое исследование. Объем выборки в Липецке составил 400 человек, распределенных в соответствии с квотами (пол и возраст), репрезентирующих генеральную совокупность. Результаты исследования получены путем обработки первичного массива данных в программном продукте STATCLASS в составе IBM SPSS Statistics Base Campus Edition 25 V.

Первая группа вопросов была связана с выявлением культурной диффузии с точки зрения когнитивного аспекта коренного населения. В нашем понимании она может выражаться в осознании исторических интересов и понимании важности изучения истории в современной жизни.

Отвечая на вопрос о важности изучения истории других стран, респонденты распределились следующим образом. Большая часть опрошенных во всех возрастных группах отметили, что историю других стран изучать надо, но не в ущерб своей истории (54,3%). Данный ответ существенно превосходит долю тех, кто считает изучение истории зарубежных стран однозначно важным самим по себе (см. рис. 1).

Рис. 1. Важность изучения истории других стран

Не менее интересными представляются ответы на вопрос исследования (см. рис. 2), который был направлен на понимание цели изучения истории зарубежных стран. Наиболее популярный ответ – о необходимости изучать историю зарубежных стран для получения дополнительной информации о прошлом (39,5%). Вторым по популярности стал ответ о том, что историю других стран необходимо изучать для более точного понимания истории своей страны (30,5%). На третьем месте расположен ответ, указывающий на потребность удовлетворения интересов историей других стран и культур (22,8%).

Рис. 2. Цель изучения истории других стран

Отвечая на вопрос об интересе к истории конкретных регионов, большинство респондентов определили наиболее интересной историю Западной Европы (34,0%). При этом высокий уровень интереса к истории Западной Европы продемонстрировали респонденты в возрасте от 18 до 39 лет. Что касается возрастных категорий старше 40 лет, то уровень их интереса к западноевропейской истории плавно снижается.

Достаточно провокационно выглядел еще один вопрос исследования, направленный на выявление этноцентрических настроений: «Согласны ли Вы с утверждением, что на историю надо смотреть исключительно с точки зрения интересов своей страны?». Более половины опрошенных в целом готовы критически посмотреть на историю своей страны. В данном случае речь идет как о тех, кто считает, что в истории нет однозначно правых и неправых (40,5%), так и тех, для кого историческая правда и истина важнее, чем интересы своей страны (16,8%). Вместе с тем почти половина опрошенных отстаивают противоположные взгляды.

Процент утверждающих, что только интересы своей страны являются главными, коррелирует с возрастом респондентов. Чем старше возрастная категория респондентов, тем менее критически настроены они по отношению к своей истории. Соответственно, возрастное распределение ответов по варианту ответа, утверждающему, что в истории не бывает однозначно правых и неправых, продемонстрировало противоположную тенденцию.

Следующий блок вопросов был направлен на выявление культурной диффузии с точки зрения ценностного аспекта. По нашему мнению, она включает в себя открытость другим культурам, психологическую готовность взаимодействовать с представителями других культур и в первую очередь с мигрантами. В этой связи респондентам был задан вопрос о том, что стоит заимствовать у других культур.

Результаты исследования показывают, что практически треть респондентов считают, что главная ценность в других культурах – человеческие качества (32,5% готовы

заимствовать человеческие качества представителей других культур). Не менее важными в представлении респондентов являются ценности других культур (24%). Однако достаточно внушительными выглядят значения варианта ответа – «ничего» (14,0%), который свидетельствует о нежелании проявлять открытость по отношению к представителям других культур.

Возвращаясь к общим данным, нетрудно заметить, что липчан мало интересуют зарубежные модели поведения, что предположительно можно объяснить ориентацией липчан на личный опыт в вопросах межкультурного взаимодействия.

Любопытными представляются ответы на вопрос о том, на каком языке должны разговаривать мигранты в присутствии коренного населения города (см. рис. 3). Большинство респондентов считает, что мигранты в присутствии местного населения должны разговаривать только на русском языке. Однако треть опрошенных указали, что язык мигрантов для них вообще не имеет значения. В то же самое время подобное индифферентное отношение, на наш взгляд, является не проявлением нейтральности, а характеризует категорию людей, которые при появлении соответствующих обстоятельств были бы склонны разделить мнение большинства.

Рис. 3. Мнение о языке общения мигрантов
в присутствии коренного населения

Совершенно незначительной в этой связи представляется доля тех, кто однозначно не возражает против использования родного языка мигрантов в русскоговорящей среде (5,8%).

Результаты вопроса о вероисповедании мигрантов показывают, что подавляющее большинство респондентов во всех возрастных группах указали на безразличие относительно вероисповедания мигрантов (61,3%). В целом, число тех, кто положительно относится к возможностям мигрантам исповедовать свою веру на территории принимающего общества, составило 22,8%.

В этой связи респондентам был задан уточняющий вопрос о том, как они относятся к возможному строительству религиозных объектов других культур в городе. Данный вопрос является значимым, поскольку безразличное отношение к мигрантам в вопросах повседневной жизни нередко оборачивается ростом критических настроений в ситуации активного распространения другой культуры в принимающем обществе (см. рис. 4).

Рис. 4. Отношение к строительству религиозных объектов других культур

Так, наиболее популярным ответом во всех возрастных группах явился ответ, отражающий нейтральную позицию (28,3%). При этом доля занимающих в большей или меньшей степени отрицательную или настороженную позицию составила 39,3% (20,8% + 18,5%). Заметим, что именно среди представителей старшего поколения (40 лет и старше) вторым по значимости оказался однозначно отрицательный ответ. Респонденты указанных возрастных групп согласны с мнением, что строительство религиозных объектов в городе привлечет большой поток новых мигрантов. Особенно ярко данная тенденция ответов проявилась среди представителей возрастной группы старше 60 лет.

Резюмируя результаты ответов, можно сказать о тенденции к нарастанию закрытости и консервативным ценностям среди представителей старшего поколения в г. Липецке.

Еще один блок вопросов анкеты был связан с изучением поведенческого аспекта открытости липчан по отношению к культурам и традициям мигрантов в Липецке. Значение данного блока представляется особенно важным, так как в условиях современного глобализирующегося мира отрицательное отношение к иным культурам может зачастую сосуществовать с использованием некоторых инокультурных практик быта и досуга в повседневной жизни (например, практик приготовления еды).

Респондентам был задан вопрос об их отношении к проблеме преемственности российской культуры по отношению к советской. Результаты нельзя назвать однозначными (см. рис. 5).

Рис. 5. Мнение о наследовании современной российской культурой

основных черт советской культуры

Как видно из рисунка 5, наиболее популярным оказался вариант ответа, указывающий на то, что российская культура изменяется под воздействием глобальных миграционных процессов (35,3%). Наименьшее количество ответов по данному варианту оказалось среди представителей поколения 60 лет и старше (26,6%). Это категория граждан, которые большую часть жизни прожили в Советском Союзе и имеют возможность сравнить культуры СССР и современной России. Остальные возрастные группы показали от 30,6% (18-24 года) и до 40,8% (40-49 лет). Вторым по значимости оказался вариант ответа о том, что российская культура унаследовала лишь материальные ценности (22,0%). Схожими оказались ответы представителей младшей (18-24 года) и самой старшей (60 лет и старше) возрастных групп, далеко обошедших других в варианте ответа «российская культура более совершенна в сравнении с советской культурой». Неожиданным это представляется в том свете, что младшие поколения в данном случае не имеют возможности сравнивать и основываются исключительно либо на своих исторических знаниях, либо на семейных исторических нарративах. Другое дело – представители старшего поколения. В данном случае любопытно, что 24,1% представителей самого старшего поколения выбрали вариант ответа «российская культура полностью унаследовала все черты советской культуры» и в то же время 29,1% представителей этого же поколения заявили о поддержке варианта «российская культура более совершенна в сравнении с советской культурой». Это означает, что даже такая, на первый взгляд, гомогенная группа как пенсионеры старше 60 лет – представляет собой сложную мировоззренческую группу с противоречивыми ценностями и культурными ориентациями. Наименее популярным во всех возрастных группах, кроме группы 60 лет и старше, стал ответ, указывающий на то, что российская культура полностью унаследовала все черты советской культуры, хотя, как видно на рисунке 5, в общих цифрах он практически сравнялся с ответом «российская культура более совершенна в сравнении с советской культурой». Это означает, что у значительной части липчан существует устойчивое мнение о трансформирующемся характере современной российской культуры.

Небезынтересными в этой связи представляются вопросы относительно отношения к праздникам других культур и участия в них. Из всего многообразия практик культурного обмена мы остановились именно на них, так как, с одной стороны, они более понятны людям, а с другой стороны, позволяют достаточно определенно высказываться об отношении к ним. Отвечая на вопрос «Считаете ли Вы правильным отмечать праздники других культур (например, Западной Европы, Америки и т.д.)», липчане выразили уже упоминавшуюся тенденцию к этноцентризму в ответах, а также проявили рост консервативных настроений по мере приближения к старшим возрастным группам. В ответах более половины респондентов преобладал отрицательный ответ – 62,8% (см. рис. 6).

Рис. 6. Принятие праздников других культур

(например, Западной Европы, Америки)

От вопроса, характеризующего отношение к праздникам, перейдем к вопросу, направленному на выявление информации о непосредственном участии в праздниках, имеющих иностранное происхождение. Варианты ответа были сформулированы аналогично предшествующему вопросу. Большая часть липчан не отмечают иностранные праздники (68,5%), и чем респонденты старше, тем больше процент ответивших отрицательно. Была выявлена значительная категория опрошенных, отмечающих отдельные иностранные праздники (26%). Такая ситуация характерна для респондентов в возрасте от 18 до 29 лет. После 30 лет наблюдается резкое падение популярности празднования даже отдельных праздников до 5,5%.

Вместе с тем негативное отношение к праздникам иных культур может не вступать в конфликт с использованием иноязычных слов и отдельных культурных практик. В этой связи в исследовании были вопросы, затрагивающие сферы отношения к подобному межкультурному взаимодействию. Был задан вопрос об использовании в речи иностранных слов (см. рис. 7). Сразу отметим, что процент ответивших однозначно отрицательно оказался достаточно низким (9 %).

Рис. 7. Использование иностранных слов в речи

Вопрос не вызвал однозначных ответов. Практически 30% опрошенных стараются вообще не использовать иностранные слова, в то время как чуть меньшая часть используют иностранные слова, не задумываясь (29%). Четверть респондентов полагает, что слова использовать можно при условии отсутствия русских синонимов. В возрастных группах от 18 до 39 лет доминирует ответ, указывающий на отсутствие должного внимания к использованию иностранных слов. Данная группа респондентов также продемонстрировала возможность использования иностранных слов при условии отсутствия русских эквивалентов. Количество однозначных оценок в этих трех возрастных группах невелико. Несколько иная ситуация наблюдается в возрастных группах старшего поколения (от 40 и старше). Среди представителей этой группы наиболее популярным оказался ответ, указывающий на сознательное стремление не использовать иностранные слова. При этом, как и представители молодого поколения, липчане в возрасте от 40 лет и старше также используют иностранные слова, когда они сталкиваются с отсутствием соответствующих

эквивалентов в русском языке. Каждый десятый респондент стремится принципиально не использовать иностранные слова в своей речи.

Участникам опроса был также задан вопрос о том, в каких сферах жизнедеятельности они используют достижения других культур. В данном случае можно констатировать поразительное единодушие всех возрастных групп, указавших в абсолютном большинстве ответов на кулинарию (54,3%). На втором месте оказалась одежда (10%). Достаточно большим оказался процент липчан, однозначно заявивших о том, что они не используют достижения других культур (19,8%). Как и в нескольких предыдущих ответах, количество респондентов, избравших данный вариант, увеличивалось в зависимости от возрастной группы (от 10,2% в группе 18-24 года и 31,6% в группе 60 лет и старше).

Респондентам был задан вопрос о том, в каких сферах жизнедеятельности они используют достижения национальной культуры. Установлено, что большинство липчан говорят о национальных кулинарных традициях (66,00%). Следующим наиболее популярным ответом стала народная медицина (12,3%), хотя разрыв между этими вариантами ответа составляет более 50%.

В завершение респондентов ждал вопрос о том, какие взаимоотношения с мигрантами являются для них приемлемыми. Данный вопрос представляет собой классическую шкалу социальной дистанции. Распределение результатов ответов представлено на рисунке 8.

Рис. 8. Наиболее приемлемые взаимоотношения с мигрантами

Как видно, практически 30% опрошенных предпочитают видеть мигрантов в качестве жителей другого государства, пятая часть готова видеть их согражданами (21,5%) и только по 17% опрошенных готовы иметь с ними личную дружбу или быть жителями одного города. Любопытно, что больше всего липчан пугает перспектива совместной трудовой деятельности с мигрантами.

Сразу заметим, что выявленный в нашем исследовании тренд на тесную взаимосвязь между возрастом и уровнем открытости по отношению к иностранной культуре и ее практикам подтвердился и в этом вопросе. Старшие поколения, как и в других вопросах, продемонстрировали высокий уровень консервативности и этноцентризма. Наиболее популярным ответом в возрастной группе 18-24 года явилась личная дружба (34,7%). Молодые липчане также готовы быть с мигрантами жителями одного города (16,3%), видеть мигрантов гражданами разных государств (14,3 %) или согражданами (10,2%). Менее всего молодых липчан привлекает брак, соседство и совместная трудовая деятельность. Сходная ситуация наблюдается и

среди представителей возрастной группы 25-29 лет. Несмотря на то что данные несколько изменились, мы имеем все основания говорить о схожести оценок и ориентаций. Более интересной выглядит картина в группе 30-39 лет. В данном случае также сохраняются высокие оценки позиций «быть гражданами одного государства» (21,1%), «быть гражданами разных государств» (19,7%), «быть жителями одного города» (15,8%). Сохраняется высокий уровень возможности дружбы с представителями других культур (19,7%). Вместе с тем среди представителей данной группы достаточно высоким оказался уровень позитивного отношения к браку с иностранцем/иностранкой (13,2%). Что касается представителей старшего поколения (от 40 лет и старше), то ответы выявили низкий уровень готовности иметь личные контакты, а также все более усиливающееся стремление быть гражданами разных государств.

Подводя итоги, можно указать на несколько ключевых тенденций, зримо проявившихся в процессе исследования общественного сознания в Липецке. Первая и ключевая тенденция, явно или косвенно проступающая за разнообразными ответами, говорит о высоком уровне консервативных ценностей в российской провинции, характеризующемся своеобразным этноцентрическим мышлением. Несмотря на то что во многих вопросах гендерные различия не проявили себя особенно заметно, все же можно говорить о том, что мужчины в Липецке более консервативно настроены по отношению к мигрантам, чем женщины. Старшие возрастные группы продемонстрировали заметное усиление консервативных ценностей и высокий уровень закрытости по отношению к культуре и культурным практикам мигрантов. В целом, липчане готовы «перенимать», но не готовы «принимать» иностранный опыт. В ответах наблюдается достаточно поверхностное знакомство с иностранными культурами, в основном в рамках кулинарных и туристических практик. Они с недоверием относятся к иностранным праздникам и только молодежь готова регулярно отмечать некоторые из них. Липчане готовы быть согражданами с мигрантами, однако в большинстве своем не готовы к более тесным контактам с ними. Это относится не только к повседневным взаимодействиям, но и явно обозначилось в процессе обращения к религиозной и лингвистической сторонам культурного обмена. Вместе с тем у большинства липчан существует устойчивое представление о трансформирующемся характере российской культуры, ее отличии от советской культуры и ее наследия.

Список литературы

1. **Дробижева Л.М.** Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 25-36.
2. **Мукомель В.И., Рыжкова С.В.** Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 37-46.

3. Обертяева И.А., Стеценко А.И. Этноцентризм и миграция в полиэтническом российском обществе // Вестник Воронежского государственного технического университета. –2014. – Том. 2. – С. 90-93.

4. Федоров П.М. О сравнимости результатов кросс-культурных исследований (на примере измерения установок в отношении мигрантов) // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 73-78.

5. Erll A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / edited by Astrid Erll, Ann Rigney. – Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.

References

1. Drobizheva L.M. Obshherossijskaja identichnost' i uroven' mezhnacional'nogo soglasija kak otrazhenie vektora konsolidacionnyh processov // Sociologicheskie issledovanija. – 2017. – № 1. – S. 25-36.

2. Mukomel' V.I., Ryzhkova S.V. Doverie i nedoverie v mezhnacional'nyh otnoshenijah // Sociologicheskie issledovanija. – 2017. – № 1. – S. 37-46.

3. Obertjaeva I.A., Stecenko A.I. Jetnocentrizm i migracija v polijetnicheskom rossijskom obshhestve // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. – 2014. – Том. 2. – С. 90-93.

4. Fedorov P.M. O sravnimosti rezul'tatov kross-kul'turnyh issledovanij (na primere izmerenija ustanovok v otnoshenii migrantov) // Sociologicheskie issledovanija. – 2015. – № 1. – S. 73-78.

5. Erll A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / edited by Astrid Erll, Ann Rigney. – Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.

